

В Конституционный Суд Российской Федерации
Адрес: 190000, Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 1

**XV ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС ПО КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВОСУДИЮ
СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКИХ КОМАНД
«Хрустальная Фемида 2025/2026»**

**«В поисках утраченной приватности»,
или Дело о предпринимательской свободе и подтверждении возраста в
социальных сетях**

**ОТЗЫВ НА ЖАЛОБУ
о проверке конституционности положений:**

статьи 10.8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Постановления Правительства Российской Федерации от 13 марта 2025 года № 236 «О допустимых способах подтверждения возраста пользователей цифровых платформ», а также частей 12 и 15 статьи 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Заявители:

Неонская Стелла Васильевна

Общество с ограниченной ответственностью
«Диджитал Арт Платформ»
654321, Даталендская область, г. Смарт

**Государственные органы, принявшие
оспариваемые акты:**

Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации
103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1

Совет Федерации Федерального Собрания Российской
Федерации
103426, г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 26

Президент Российской Федерации
103132, г. Москва, ул. Ильинка, д. 23

Правительство Российской Федерации
103274, г. Москва, Краснопресненская набережная, д.
2

2025 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗЛОЖЕНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА.....	2
ДОПУСТИМОСТЬ ЖАЛОБЫ.....	3
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СТОРОНЫ.....	7
ПОДРОБНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СТОРОНЫ.....	8
ТРЕБОВАНИЕ, ОБРАЩЁННОЕ К КОНСТИТУЦИОННОМУ СУДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	22
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	22

ИЗЛОЖЕНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

30 декабря 2024 года был принят Федеральный закон № 495-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» (*далее* – Закон об информации). Он обязал владельцев цифровых платформ – информационных площадок товаров, работ и услуг в сети Интернет не допускать использование таких платформ лицами, не достигшими совершеннолетия. Отныне на владельцев онлайн-платформ возложена обязанность проверять возраст пользователей теми способами, которые определит Правительство РФ. Постановлением от 13 марта 2025 года № 236 «О допустимых способах подтверждения возраста пользователей цифровых платформ» (*далее* – Постановление № 236) Правительство определило четыре способа верификации: через ЕПГУ («Госуслуги»), национальный мессенджер «Призма», Единую биометрическую систему, а также специальные программы, предназначенные для проверки возраста.

ООО «Диджитал Арт Платформ» – IT-компания и владелец цифровой платформы «Креативный маркет», где обсуждаются, оцениваются и продаются созданные пользователями произведения искусства – 31 марта 2025 года внесло изменения в свои локальные акты. Нововведения предусматривали подтверждение возраста пользователей «Креативного маркета» лишь двумя способами из четырёх, предписанных Правительством РФ: либо с помощью Единой биометрической системы, либо с использованием программы для подтверждения возраста «ВозрастГард», которая разработана компанией «Цифровой страж». Для внедрения этого программного решения ООО «Диджитал Арт Платформ» заключило лицензионный договор с разработчиком программы.

Стелла Васильевна Неонская – один из постоянных пользователей «Креативного маркета», желала продолжить пользоваться платформой. Однако ввиду ограниченности выбора способов проверки возраста, предоставленных ООО «Диджитал Арт Платформ», С.В. Неонская решила остановиться на верификации с использованием системы «ВозрастГард» на сайте платформы. Однако 2 июня 2025 года ООО «Диджитал Арт

Платформ» подверглось кибератаке, вследствие чего персональные данные около полумиллиона человек, включая данные С.В. Неонской, были размещены в даркнете.

15 июня 2025 года состоялись переговоры ООО «Диджитал Арт Платформ» и С.В. Неонской, по итогам которых компания согласилась выплатить пользователю компенсацию ущерба и морального вреда за утрату её личных данных, в общем размере 1 000 000 рублей. 18 июня 2025 года С.В. Неонская обратилась в Цифроградский городской суд Даталендской области и потребовала возмещения неполученных доходов в размере 1 000 000 рублей. Суд согласился с доводами истицы в части непредоставления пользователю всех возможных способов подтверждения возраста, предусмотренных Постановлением № 236, и частично удовлетворил иск, присудив 200 000 рублей компенсации неполученного дохода. Законность решения подтвердили суд апелляционной инстанции, а затем и Седьмой кассационный суд общей юрисдикции.

Далее, в связи с утечкой персональных данных Управлением Роскомнадзора по Даталендской области была проведена внеплановая проверка в отношении ООО «Диджитал Арт Платформ». По её итогам было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном частью 15 статьи 13.11 КоАП РФ. Решением Даталендского арбитражного суда от 20 июля 2025 года ООО «Диджитал Арт Платформ» был назначен оборотный штраф в размере 2% выручки за 2024 год. Двадцать второй арбитражный апелляционный суд отказал в удовлетворении жалобы компании. Законность и справедливость оборотного штрафа подтвердили Арбитражный суд Информационного округа и судья Верховного Суда РФ, который отказал в передаче жалобы ООО «Диджитал Арт Платформ» на рассмотрение в судебную коллегию.

ДОПУСТИМОСТЬ ЖАЛОБЫ

Жалоба С.В. Неонской и ООО «Диджитал Арт Платформ» (*далее также – Общество, совместно – заявители*) не отвечает требованиям допустимости, предъявляемым статьями 3, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (*далее – Закон о Конституционном Суде*).

1. Недопустимость жалобы С.В. Неонской

1.1. Обжалуемые законоположения не были применены в конкретном деле заявительницы

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, норма считается применённой в конкретном деле в том случае, когда она выступила нормативным основанием для его разрешения¹. Само по себе упоминание нормы в тексте судебных актов не говорит о её применении в конкретном деле².

¹ Абзац 4 пункта 1.4 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 года № 39-П // Собрание законодательства Российской Федерации (*далее – СЗ РФ*). 2017. № 51. Ст. 7914.

² Пункт 1.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 26 мая 2025 года № 22-П // СПС «КонсультантПлюс».

С.В. Неонская обратилась в суд с деликтным иском, требуя взыскать с Общества упущенную выгоду³. Суды частично удовлетворили требования заявительницы, признав нарушение Обществом статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236. Таким образом, нарушение прав С.В. Неонской уже признано судами: в противном случае её иск не был бы удовлетворён⁴. Суды подтвердили, что Общество нарушило закон, и восстановили нарушенные права заявительницы на основе исследования всех фактических обстоятельств дела. В настоящее же время С.В. Неонская связывает нарушение своих прав не с неконституционностью обжалуемых норм, а с недостаточным размером присуждённых убытков.

Таким образом, в той части, в какой заявительница усматривает нарушение своих прав, нормативным основанием для разрешения дела стали нормы гражданского законодательства (глава 59 ГК РФ). Удовлетворяя иск С.В. Неонской лишь частично, суды указали на недоказанность причинной связи между данным нарушением и убытками, предъявляемыми ко взысканию⁵, то есть применили положения статей 15 и 393 ГК РФ⁶. Оценка же соразмерности присуждённых убытков характеру нарушения требует исследования фактических обстоятельств дела⁷, на что Конституционный Суд РФ не уполномочен⁸.

Положения частей 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ, конституционность которых также оспаривает С.В. Неонская, также не были применены в её конкретном деле, поскольку она не была привлечена к административной ответственности, предусмотренной данными нормами. Более того, эти нормы вовсе не затрагивают её прав, поскольку субъектом соответствующих правонарушений может быть только юридическое лицо – оператор персональных данных⁹. В этой части обращение С.В. Неонской является абстрактным и, как следствие, недопустимым.

1.2. Заявительница не исчерпала внутригосударственные средства судебной защиты

По смыслу пункта 3 статьи 97 Закона о Конституционном Суде, жалоба гражданина на нарушение конституционных прав допустима при исчерпании всех

³ Пункт 14 Фабулы.

⁴ По смыслу пункта 1 статьи 1064 ГК РФ, в предмет доказывания по деликтному иску входит, прежде всего, совершение ответчиком правонарушения. См.: пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Так, суд первой инстанции сослался на то, что «что доход от продаж произведений искусства на платформе «Креативный маркет» не является стабильным, постоянным и предсказуемым» (пункт 15 Фабулы).

⁶ Абзац 1 пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

⁷ Абзац 5 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 года № 2472-О // СПС «Гарант».

⁸ Части 3 и 4 статьи 3 Закона о Конституционном Суде.

⁹ Примечание 3 к статье 13.11 КоАП РФ.

внутригосударственных средств судебной защиты. В деле С.В. Неонской средством, исчерпывающим таковые, выступает подача кассационной жалобы в Верховный Суд РФ, на что ей даёт право статьи 390.2 ГПК РФ.

Как следует из представленных материалов, заявительница ограничилась подачей лишь первой кассационной жалобы¹⁰. На дату обращения в Конституционный Суд РФ – 24 сентября 2025 года¹¹ трёхмесячный срок на подачу второй кассационной жалобы, установленный статьёй 390.3 ГПК РФ, не истёк¹². Таким образом, заявительница сохраняла возможность защитить свои права в ординарных судах, а обращение в Конституционный Суд РФ явно противоречит субсидиарному характеру конституционного судопроизводства¹³.

При этом нет оснований считать, что иное применение обжалуемых законоположений Верховным Судом РФ не предполагается. Конституционный Суд РФ вправе признать средства защиты исчерпанными, если, например, высшая судебная инстанция уже ранее выразила свою позицию по спорному вопросу (например, в обзоре судебной практики)¹⁴. Однако обжалуемые нормы ещё не становились предметом рассмотрения Верховного Суда РФ. В этом смысле рассмотрение дела заявительницы Верховным Судом РФ не было бы лишено смысла и отвечало бы его конституционному предназначению по формированию единства судебной практики, устранению противоречий в позициях судов¹⁵ и развитию правовой системы.

Таким образом, внутригосударственные средства судебной защиты С.В. Неонской исчерпаны не были. Кроме того, заявительница сохраняет возможность защитить свои права другими способами. В частности, если она связывает нарушение своих прав с деанонимизацией и размещением в открытом доступе сведений, составляющих тайну её частной жизни, она вправе обратиться к операторам поисковых систем или в суд с требованием прекратить выдачу этих сведений как полученных с нарушением закона¹⁶.

2. Недопустимость жалобы ООО «Диджитал Арт Платформ»

Как следует из представленных судебных актов по делу Общества, ему было назначено административное наказание в виде оборотного штрафа, предусмотренного

¹⁰ Пункт 17 Фабулы.

¹¹ Пункт 26 Фабулы.

¹² Последний судебный акт по делу С.В. Неонской датируется 25 августа 2025 года (пункт 17 Фабулы).

¹³ Конституционный Суд РФ отмечал, что конституционное судопроизводство как субсидиарный (резервный) по своему назначению способ защиты нарушенных прав и свобод граждан допускается, если без проверки конституционности оспариваемого закона эти права и свободы не могут быть восстановлены. См.: абзац 2 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 года № 274-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2019. № 3.

¹⁴ Абзац 4 пункта 1.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 7 октября 2024 года № 44-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Абзац 4 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2018 года № 865-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Статья 10.3 Закона об информации.

частью 15 статьи 13.11 КоАП РФ¹⁷. Что же касается части 12 той же статьи, она была учтена только в качестве административной преюдиции при принятии судами решений, не послужив самостоятельным нормативным основанием для назначения Обществу оборотного штрафа. Более того, часть 12 статьи 13.11 КоАП РФ вовсе не содержит регулирования, с которым Общество выражает несогласие, поскольку санкция этой статьи предусматривает не оборотный штраф, а лишь штраф в твердой денежной сумме. Таким образом, часть 12 статьи 13.11 КоАП РФ не может стать предметом конституционно-судебной проверки.

Также характерно, что Общество в своей жалобе ссылается на нарушение части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации и указывает на несоразмерность санкции, предусмотренной спорным положением. Иными словами, фактически Общество оспаривает размер административного штрафа по части 15 статьи 13.11 КоАП РФ. Вместе с тем Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что установление и изменение составов правонарушений и мер ответственности за них является дискрецией законодателя¹⁸. Не выходит за пределы его дискреционных полномочий и повышение санкций, в том числе размеров административных штрафов¹⁹.

Соответственно, жалоба Общества, будучи по существу направленной на оспаривание законодательной дискреции, не может быть рассмотрена Конституционным Судом РФ. Оценка же соразмерности штрафа, назначенного в конкретном деле заявителя, также находится вне компетенции Конституционного Суда РФ, поскольку требует исследования фактических обстоятельств.

Поскольку жалоба заявителей не отвечает требованиям допустимости, производство по настоящему делу подлежит прекращению в соответствии с частью 1 статьи 68 Закона о Конституционном Суде. Если же Суд посчитает жалобу допустимой, то в любом случае оспариваемые законоположения должны быть признаны не противоречащими Конституции РФ.

¹⁷ Пункты 19 и 22 Фабулы.

¹⁸ Абзац 2 пункта 2.4 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2024 года № 827-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Абзац 3 пункта 3.2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2025 года № 1220-О // СПС «КонсультантПлюс».

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СТОРОНЫ

1. Взаимосвязанные положения статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236 соответствуют Конституции РФ, её статьям 19 (частям 1 и 2), 23 (части 1), 34 (части 1), 55 (части 3) и пункту «м» статьи 71, поскольку предусматривают строго пропорциональное ограничение права на анонимность в цифровой среде, притом что государство гарантирует безопасность программного обеспечения, используемого для подтверждения возраста, а также вправе стимулировать субъектов предпринимательской деятельности к усилению информационной безопасности и развитию IT-комплаенса. Так, названные законоположения:

1.1. не противоречат части 1 статьи 23 и части 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку введены в конституционно значимых целях защиты прав несовершеннолетних граждан и общественной нравственности;

1.2. являются пропорциональным ограничением права на неприкосновенность частной жизни, поскольку отвечают требованиям минимальности ограничений;

1.3. конституционно оправданны, поскольку государство перед их введением предусмотрело достаточные гарантии безопасности программного обеспечения, предназначенного для проверки возраста;

1.4. не противоречат статье 34 Конституции РФ, поскольку не посягают на само существо свободы предпринимательской деятельности, а также не препятствуют владельцам цифровых платформ на конкурентных началах учесть свои расходы на внедрение необходимых программных решений при ценообразовании на свои товары и услуги.

2. Оспариваемые положения частей 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ соответствуют Конституции РФ, её статьям 19 (частям 1 и 2) и 55 (части 3), поскольку в системе действующего регулирования не отменяют обязанности правоприменителя учитывать все обстоятельства правонарушения, характер наступивших последствий. В частности, спорное регулирование:

2.1. введено в конституционно значимых целях, являлось необходимым с учётом современных условий экспоненциального технологического развития, а также учитывает передовой мировой опыт;

2.2. не противоречит требованию соразмерности юридической ответственности, поскольку не снимают с правоприменителя обязанности применять – при наличии к тому оснований – все доступные механизмы снижения оборотного штрафа.

ПОДРОБНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СТОРОНЫ

1. Взаимосвязанные положения статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236 соответствуют Конституции РФ, её статьям 19 (частям 1 и 2), 23 (части 1), 34 (части 1), 55 (части 3) и пункту «м» статьи 71, поскольку предусматривают строго пропорциональное ограничение права на анонимность в цифровой среде, притом что государство гарантирует безопасность программного обеспечения, используемого для подтверждения возраста, а также вправе стимулировать субъектов предпринимательской деятельности к усилению информационной безопасности и развитию IT-комплаенса

1.1. Оспариваемые нормы не противоречат части 1 статьи 23 и части 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку введены в конституционно значимых целях

Статья 23 Конституции РФ гарантирует право на неприкосновенность частной жизни. Конституционный Суд РФ в своей практике неизменно широко подходит к толкованию понятия «частная жизнь» и включает в него любую область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу и касается только его²⁰, только если она не носит противоправный характер²¹. В частности, Суд придавал конституционное значение праву на защиту персональных данных²². Европейский Суд по правам человека (*далее* – ЕСПЧ) неоднократно признавал анонимность в Интернете одним из условий реализации права на свободное выражение мнений²³, а также права на уважение частной жизни²⁴. Аналогичной позиции придерживаются Комитет ООН по правам человека²⁵ и Комитет министров Совета Европы²⁶.

Таким образом, законодатель исходит из того, что право на анонимность и защиту приватности в настоящее время охватывается конституционной гарантией неприкосновенности частной жизни. Такой подход согласуется не только с

²⁰ Абзац 1 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 18 января 2024 года № 2-П // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Абзац 13 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 года № 248-О // СПС «КонсультантПлюс».

²² Абзац 3 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 года № 3087-О // СПС «КонсультантПлюс».

²³ The European Court of Human Rights (*далее* – ECHR). Judgment of 16 June 2025. Delfi AS. v. Estonia, Application no. 64569/09 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?TID=xqekxhoade&filename=001-126635.pdf&id=001-126635&library=ECHR> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁴ ECHR. Judgment of 24 April 2018. Benedik v. Slovenia, Application no. 62357/14 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-182677> (дата обращения, 10.11.2025).

²⁵ Human Rights Council. Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. 17 April 2013. P. 13, 22. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A.HRC.23.40_EN.pdf (дата обращения, 10.11.2025).

²⁶ Декларация Комитета министров Совета Европы «О правах человека и верховенстве права в информационном обществе» от 13 мая 2005 года. СМ (2005) 56 // ЮО. 15.05.2005. 564238/967.

международными обязательствами России, но и с практикой других государств. Например, Верховный суд США ещё в 1967 году артикулировал наличие разумных ожиданий приватности, признавая неконституционным прослушивание телефонных переговоров в отсутствие санкции суда²⁷. Впоследствии Суд прямо указал, что общение в сети «Интернет» на условиях анонимности пользуется защитой Первой поправки, поскольку обеспечивает свободу выражения и обмена мнений так, как это не делает ни один другой канал связи²⁸.

Между тем анонимность имеет и обратную сторону. Конституционный Суд РФ признавал, что техническая и технологическая возможность анонимного использования интернет-площадок может быть использована в противоправных целях²⁹. Действительно, гарантируя право на анонимность и приватность в Интернете, государство не может не учитывать повышенную криминогенность цифрового пространства, которая обусловлена возможностью совершать правонарушения анонимно. Более того, сегодня активно и целенаправленно применяются технические решения, затрудняющие раскрытие и преследование правонарушений, в том числе совершаемых против сведений, составляющих тайну частной жизни. Экспоненциальное развитие технологий в информационной сфере затрагивает вопросы информационной безопасности государства, которая, как отмечал Конституционный Суд РФ, является конституционно значимой ценностью, и которую законодатель обязан защищать³⁰.

Другой важнейшей конституционной ценностью, подлежащей защите в цифровом пространстве по смыслу части 3 статьи 55 Конституции РФ, является общественная нравственность. Особого внимания требуют вопросы распространения в Интернете деструктивного контента, к которому беспрепятственно могут получить доступ несовершеннолетние граждане. Конституция РФ, провозглашая, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России (часть 4 статьи 67.1), обязывает законодателя защищать детей от факторов, негативно влияющих на их интеллектуальное, психическое и нравственное развитие³¹, в том числе от любой информации, оказывающей такое негативное влияние³².

²⁷ Decision of United States Supreme Court. 18 December 1967. «Katz v. United States». 389 U.S. 347 (1967) // U.S. Supreme Court Reports. 1998. Vol. 389. P. 347.

²⁸ Decision of United States Supreme Court. 26 June 1997. «Reno v. American Civil Liberties Union». 521 U.S. 844 (1997) // U.S. Supreme Court Reports. 1998. Vol. 521. P. 844.

²⁹ Абзац 1 пункта 4 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Абзац 6 пункта 3 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 года № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Абзац 3 пункта 3 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 19 января 2010 года № 151-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

³² Абзац 4 пункта 3.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 года № 24-П // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, развитие технологий и техники способно не только приводить к расширению объёма конституционных прав³³, но и требовать вмешательства государства, если это необходимо для защиты конституционных ценностей. Статья 10.8 Закона об информации и принятое во её исполнение Постановление № 236 предусматривают механизм подтверждения возраста пользователей цифровых платформ, где потенциально может содержаться информация, не предназначенная для несовершеннолетних. В этом контексте обжалуемое регулирование представляет собой такое вмешательство государства, которое преследует конституционно значимые цели по защите общественной нравственности, прав и законных интересов несовершеннолетних, а также безопасности государства. Необходимость спорного регулирования обусловлена тем, что до настоящего времени в России не существовало комплексных механизмов, которые позволяли бы – без введения прямых и недифференцированных запретов на доступ к контенту – гарантировать его предоставление лицам тех возрастных категорий, для которых он предназначен.

1.2. Оспариваемые нормы не противоречат части 1 статьи 23 и части 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку отвечают требованиям минимальности ограничения

Обжалуемая нормативная модель предполагает подтверждение возраста пользователя цифровой платформы с использованием различных сервисов и программного обеспечения. Предусматривая именно её, законодатель неукоснительно следовал конституционному требованию минимальности ограничения права на уважение частной жизни³⁴.

В качестве альтернативной меры защиты обозначенных конституционных ценностей законодатель мог отказаться от технически сложных процедур верификации возраста и, например, запретить цифровым платформам распространение любого контента, который потенциально может быть получен несовершеннолетними гражданами и оказать на них деструктивное влияние. Такой механизм уже существует в российском законодательстве, которое запрещает дистанционную продажу алкогольной, табачной и никотинсодержащей продукции именно из этих соображений³⁵. С другой стороны, законодатель мог обязать операторов цифровых платформ вводить механизмы принудительного родительского контроля, которые позволяли бы родителям отслеживать цифровую активность ребёнка, отменять совершённые им действия или ограничивать их

³³ Абзац 4 пункта 2.3 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 года № 617-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ Абзац 3 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 29 апреля 2025 года № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Подпункт 14 пункта 2 статьи 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553; часть 3 статьи 19 Федерального закона от 23 февраля 2013 года № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 721.

во времени. Такое законодательство действует, например, в КНР³⁶, где тотальная фильтрация цифрового контента является правовым императивом. Более того, схожие меры обсуждаются и в демократических правовых системах. Например, сегодня в Конгрессе США обсуждаются меры, которые запрещают применять AI-алгоритмы для рекомендации контента несовершеннолетним, то есть предполагают полностью контролировать (цензурировать) предоставляемую им информацию³⁷. Также в штате Нью-Йорк обсуждают квотирование потребления несовершеннолетними контента по времени³⁸.

Российский законодатель не мог избрать такие модели правового регулирования, поскольку это противоречило бы принципу пропорциональности (минимальности) ограничения права на уважение частной жизни. Государство исходило из недопустимости и чрезмерности недифференцированных запретов, которые неоднократно признавались Конституционным Судом РФ³⁹ и международными судами. Так, ЕСПЧ в своей практике исходит не только из недопустимости недифференцированных запретов в целом⁴⁰, но и из неприемлемости полного блокирования того или иного канала связи, что явно нарушало бы право на свободу выражения мнений и общения в Интернете⁴¹.

С другой стороны, государство не могло пойти на внедрение механизмов тотального родительского контроля, поскольку, согласно Конституции РФ, правом на уважение частной жизни человек обладает с рождения, и как отмечал Конституционный Суд РФ, даже родители могут ограничивать право на уважение частной жизни ребёнка только в исключительных случаях (например, в целях обеспечения его безопасности)⁴². Кроме того, цифровая коммуникация в настоящее время является одним из способов реализации других конституционных прав и свобод, например, свободы получения информации и выражения мнений (статья 29 Конституции РФ), свободы получения информации (статья 44 Конституции РФ) и т. д.

³⁶ Data Security Law of the People's Republic of China: adopted at the 29th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress on June 10, 2021 // The National People's Congress of the People's Republic of China. 2021.

³⁷ Kids Online Safety Act. Bill S.1748. Introduced 14 May 2025 from Sen. Blackburn, Marsha [R-TN] // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1748/text> (дата обращения: 10.11.2025).

³⁸ Stop Addictive Feeds Exploitation (SAFE) For Kid. Bill S7694A // The New York State Senate. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/bills/2023/S7694/amendment/A> (дата обращения: 10.11.2025).

³⁹ Абзац 4 пункта 2.2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 24-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰ ECHR. Judgment of 4 November 2025. Vainik and Others v. Estonia, Application nos. 3184/21, 43852/21, 44600/21, 17982/21 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-245684> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴¹ ECHR. Judgment of 18 December 2012. Yıldırım v. Turkey, Application no. 3111/10 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-22082> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴² Пункт 1 резолютив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 18 января 2024 года № 2-П // СПС «КонсультантПлюс».

В связи с этим законодатель предусмотрел сразу несколько возможных способов подтверждения возраста пользователей цифровых платформ, указанных в пункте 1 Постановления № 236. Данное положение как по буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой (в том числе по делам заявителей⁴³), обязывает владельцев цифровых платформ внедрить каждый из предусмотренных способов. При этом в числе введённых способов предусмотрен и такой алгоритм верификации, который не требует от гражданина раскрытия официальных документов (в частности, паспортных данных), а именно подтверждение путём специализированной программы ЭВМ (подпункт «г» пункта 4 Постановления № 236). По смыслу действующего регулирования такие программы могут быть основаны на любых нейросетевых технологиях, которым для проверки возраста не требуется никакая официальная информация.

Обжалуемое регулирование намеренно предусмотрело такой способ, а также ряд других способов верификации, поскольку учитывало негативный мировой опыт. Так, законодатель штата Юта (США) предусмотрел обязательную верификацию по возрасту на порнографических интернет-сайтах. Однако при этом закон не предусмотрел, каким именно способом она должна осуществляться, что спровоцировало цифровые платформы на протест, по итогам которого они покинули рынок штата⁴⁴. Схожая ситуация сложилась во Франции и Великобритании: регулирование ЕС требует верификации возраста, ограничивая её использованием лишь официальных данных (в частности, паспорта или данных банковской карты), вследствие чего порнографические цифровые платформы заблокировали доступ к своему контенту всем гражданам Франции вне зависимости от возраста⁴⁵.

Как показывает мировая практика, отсутствие адекватных правовых механизмов подтверждения возраста наносит ущерб как соответствующему рынку, так и конституционным правам граждан, подрывая их доверие к действиям государства⁴⁶ и провоцируя рост социальной напряжённости. В этом смысле обжалуемое регулирование является минимальным ограничением права на неприкосновенность частной жизни по той причине, что оно – за счёт закрепления различных способов подтверждения возраста – позволяет гражданину самостоятельно определять круг персональных данных, которых он готов передать для верификации (поскольку каждый из предложенных способов задействует различные категории и объём персональных данных). Это касается и ситуаций, когда гражданин либо не может передать свои официальные данные владельцу

⁴³ Пункты 15, 23 Фабулы.

⁴⁴ Pornhub Blocks Utah Users After Age-Verification Law Takes Effect // The Wall Street Journal. 3 May 2023. URL: <https://www.wsj.com/amp/articles/pornhub-blocks-utah-users-after-age-verification-law-takes-effect-57b826c5> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴⁵ Pornhub exits France, its second-biggest market, over age verification law // CNN. 4 June 2025. URL: <https://edition.cnn.com/2025/06/04/tech/pornhub-exits-france-age-verification-intl> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴⁶ Абзац 3 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 10 октября 2024 года № 45-П // СПС «КонсультантПлюс».

цифровой платформы (например, по причине отсутствия у него учётной записи ЕПГУ), либо не желает этого.

Далее, обжалуемое регулирование не отменяет действие главного принципа законодательства об информации – принципа согласия гражданина на обработку персональных данных, без которого никакие действия с этими данными недопустимы⁴⁷. Оспариваемые законоположения предполагают, что круг персональных данных, которые гражданин передаёт владельцу цифровой платформы для подтверждения возраста, определяется только самим гражданином, во что государство не вмешивается. В этом смысле они не понуждают гражданина передавать какие-либо данные владельцу цифровой платформы.

1.3. Оспариваемые нормы не противоречат части 1 статьи 23, части 3 статьи 55 и пункту «м» статьи 71 Конституции РФ, поскольку государство предусмотрело достаточно гарантий безопасности программного обеспечения, предназначенного для проверки возраста

Наконец, оспариваемые ограничения конституционно оправданны также потому, что государство предлагает в качестве способа верификации возраста использование программ ЭВМ, которые включены в реестр российского программного обеспечения (ПО)⁴⁸. Следовательно, государство гарантирует безопасность данных программ и персональных данных, которые обрабатываются с их помощью.

Так, действующее регулирование не допускает включения в данный реестр такого ПО, которое, будучи предназначенным для работы с конфиденциальной информацией, не получило сертификат системы сертификации средств защиты информации⁴⁹. В свою очередь, ПО получит такой сертификат только после успешного прохождения испытаний в испытательных лабораториях⁵⁰ по методикам, утверждаемым Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии. Более того, программа не может быть включена в реестр отечественного ПО, если её разработчик не обладает лицензией на разработку и производство средств защиты конфиденциальной информации⁵¹, для получения которой к разработчику предъявляются строгие технические и квалификационные требования⁵². Наконец, все технические средства хранения исходного текста и объектного кода, а также управления лицензионными ключами такой

⁴⁷ Статья 9 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

⁴⁸ Подпункт «а» пункта 3 Постановления № 236.

⁴⁹ Подпункт «д» пункта 5 Порядка формирования и ведения реестра российского программного обеспечения (утв. Постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2015 года № 1236) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰ Пункт 6 Положения о сертификации средств защиты информации (утв. Постановлением Правительства РФ от 26 июня 1995 года № 608) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵¹ Подпункт «е» пункта 5 Порядка формирования и ведения реестра российского программного обеспечения.

⁵² См.: Постановление Правительства РФ от 3 марта 2012 года № 171 «О лицензировании деятельности по разработке и производству средств защиты конфиденциальной информации» // СПС «КонсультантПлюс».

программы должны быть строго локализованы в России⁵³. То есть, даже в случае утечки персональных данных российских граждан эта информация с большей вероятностью может быть сохранена в пределах Российской Федерации или уничтожена с большей оперативностью, что неизменно смягчит негативные последствия возможных инцидентов информационной безопасности. Предусмотрев столь высокие требования к безопасности отечественного ПО, подлежащего использованию при верификации возраста, государство выполняет свою обязанность, предусмотренную пунктом «м» статьи 71 Конституции РФ, а именно обязанность по обеспечению безопасности личности при применении информационных технологий и обороте цифровых данных.

Таким образом, обжалуемые законоположения в системе действующего регулирования, во-первых, представляют собой минимальное из возможных ограничение права на анонимность в цифровой среде, которое производится в конституционно значимых целях, во-вторых, в любом случае гарантируют сохранность персональных данных и иных сведений, составляющих тайну частной жизни граждан.

1.4. Оспариваемые нормы не противоречат статье 19, части 1 статьи 34 и части 3 статьи 55 Конституции РФ

Спорное регулирование не нарушает и конституционные права организаций – владельцев цифровых платформ, от которых требуется внедрить программные средства подтверждения возраста, в том числе путём заключения лицензионных договоров с разработчиками таких средств.

Конституционный Суд РФ не раз признавал конституционным возложение на организации дополнительных обязанностей, направленных на стимулирование технологического развития. Так, Суд, отмечая общую тенденцию к переходу на электронный документооборот и современный уровень доступности и развития компьютерных технологий, признавал допустимым обязанность вносить сведения в Единый реестр о фактах деятельности юридических лиц в электронной форме с помощью ЭЦП⁵⁴. Равным образом признано конституционным повышение финансовой ответственности предприятий за загрязнение окружающей среды, с тем чтобы стимулировать их владельцев принимать меры по развитию технологий, позволяющих минимизировать риск экологического ущерба⁵⁵. Такая политика проводится государством последовательно и не только в отношении организаций. В частности, действующее регулирование обязывает предустанавливать на смартфоны и иные устройства ежедневного использования такие государственные сервисы, как, например, ЕПГУ⁵⁶.

⁵³ Подпункты «и», «к» пункта 5 Порядка формирования и ведения реестра российского программного обеспечения.

⁵⁴ Абзац 5 пункта 2.1 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 15 сентября 2015 года № 1838-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁵ Абзац 4 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 года № 12-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁶ Перечень российских программ для электронных вычислительных машин, которые должны быть предварительно установлены на отдельные виды технически сложных товаров в 2025 году и о признании

Иными словами, законодатель обязан последовательно и поэтапно создавать условия для ускорения технологического развития общества. Эта задача насущна как с точки зрения современного этапа цифрового развития общества, эволюция которого может требовать корректировки параметров правового регулирования⁵⁷, так и в парадигме государственной политики по обеспечению технологического суверенитета⁵⁸. Безусловно, стимулирование технологического развития невозможно без воспитания культуры поведения в цифровой среде, в том числе культуры обеспечения безопасности тайны частной жизни и персональных данных среди компаний, которые заняты в IT-секторе. Оспариваемое регулирование является необходимым элементом механизма воспитания такой культуры.

В этом контексте само по себе обязывание владельцев цифровых платформ внедрить отечественные программы для проверки возраста пользователей не может являться нарушением Конституции РФ, в частности, её статьи 34. Прежде всего, это не противоречит международным обязательствам государства. Раскрывая международные стандарты в этой сфере, ЕСПЧ указывал, что владельцы цифровых платформ, допускающих анонимную коммуникацию, обязаны принимать разумные меры для предотвращения нарушения прав третьих лиц⁵⁹.

Далее, законодатель учитывал правовую позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой выполнение коммерческими организациями обязанностей публичного характера за собственный счёт без механизмов возмещения не согласуется с основной целью их деятельности⁶⁰. Однако деятельность владельцев цифровых платформ, например, в отличие от деятельности авиаперевозчиков, далеко не во всех случаях является социально ориентированной и, как следствие, представляет публичный интерес. Поскольку российская экономика основана на рыночных началах, владельцы цифровых платформ не лишены возможности на конкурентных началах учесть свои расходы на внедрение необходимых программных решений при ценообразовании на свои товары и услуги (например, путём предоставления платных подписок, повышения цены на контент и т. п.).

Не нарушает оспариваемое регулирование и конституционный принцип равенства. Как следует из пункта 23 статьи 2 Закона об информации в новой редакции, под

утратившими силу некоторых распоряжений Правительства РФ (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25 июля 2024 года № 1972-р) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁷ Например, Конституционный Суд РФ не исключил, что по мере развития демократической культуры в российском обществе будущее законодательство может легализовать, например, региональные политические партии. См.: абзац 1 пункта 6 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 года № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁸ Пункт 25 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁹ ECHR. Judgment of 16 June 2025. Delfi AS. v. Estonia, Application no. 64569/09 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?TID=xqekxhoade&filename=001-126635.pdf&id=001-126635&library=ECHR> (дата обращения: 10.11.2025).

⁶⁰ Абзац 9 пункта 5.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 года № 29-П // СПС «КонсультантПлюс».

цифровыми платформами понимаются любые информационные системы, реализующие любые товары и услуги, а также предоставляющие любые категории контента. В связи с этим владельцы цифровых платформ, которые предоставляют контент, не предназначенный для несовершеннолетних, не оказываются в менее выгодном положении, чем владельцы таких платформ, которые такой контент не предоставляют.

Таким образом, обжалуемые нормы статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236 не противоречат Конституции РФ, её статьям 19 (части 2), 34 (части 1), 55 (части 3) и 71 (пункту «м»), а также любым другим применимым конституционным требованиям.

2. Оспариваемые положения частей 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ соответствуют Конституции РФ, её статьям 19 (частям 1 и 2) и 55 (части 3), поскольку в системе действующего регулирования не отменяют обязанности правоприменителя учитывать все обстоятельства правонарушения, характер наступивших последствий, а также применять – при наличии к тому оснований – все доступные механизмы снижения оборотного штрафа

2.1. Оспариваемые нормы КоАП РФ предусмотрены в конституционно значимых целях и отвечают требованиям необходимости

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на широкую дискрецию законодателя в области административно-деликтной политики, в том числе в определении мер административной ответственности⁶¹. Поскольку административные штрафы, безусловно, затрагивают право частной собственности⁶², дискреция эта ограничена, и введение таких мер должно отвечать общим конституционным принципам юридической ответственности, таким как необходимость, пропорциональность и соразмерность (адекватность) допущенному нарушению⁶³.

При этом Конституционный Суд РФ признавал право законодателя вводить более строгие – соразмерные реалиям того или иного этапа исторического развития – административные наказания, если объектами правонарушений выступают такие ценности, которые нуждаются в повышенной защите со стороны государства⁶⁴. Так, признавались конституционными повышения административных штрафов за нарушение правил проведения публичных мероприятий⁶⁵, за нарушение правил дорожного

⁶¹ Абзац 2 пункта 2.4 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2024 года № 827-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁶² Абзац 6 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П // СЗ РФ. 2014. № 10. Ст. 1087.

⁶³ Пункт 5.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 26-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁴ Абзац 7 пункта 3 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П.

⁶⁵ Абзац 5 пункта 3 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 года № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

движения в особо урбанизированных регионах⁶⁶, а в этом году – и в целом по стране, в том числе с сокращением скидки на их уплату⁶⁷.

Поскольку конституционной целью законодательства о персональных является защита фундаментального права на уважение тайны частной жизни⁶⁸, что особенно актуально в современную цифровую эпоху⁶⁹, законодатель не только вправе, но и обязан уделять защите персональных данных в цифровой среде особое внимание, в том числе путём более строгого преследования нарушения нормативных требований в этой сфере. Введение повышенной административной ответственности за необеспечение сохранности персональных данных путём установления оборотного штрафа являлось выполнением этой конституционной обязанности.

Прежде всего, такой шаг полностью соответствует реалиям современного этапа технологического развития России, когда существенно возрастает доля цифрового рынка: применительно к товарам первой необходимости в 2024 году она превысила 50%, а доля социально значимых услуг, предоставляемых в электронном виде, вплотную приблизилась к 100%⁷⁰. Как следствие, всё большее число персональных данных попадают в цифровую среду и, как показывает практика, становится более уязвимым для доступа третьих лиц. Масштабы утечек персональных данных стали для государства и общества настоящим вызовом: только в первом полугодии 2024 года количество единиц персональных данных, оказавшихся в открытом доступе, превысило рекордный один миллиард⁷¹, по некоторым оценкам превышает полтора миллиарда⁷². Два прошлых года подряд Россия занимала второе место в мире по количеству утечек персональных данных, уступая только США⁷³, притом что масштабы цифровой экономики России несоизмеримо меньше американской. В результате совершения киберпреступлений с персональными данными государство в 2024 году потеряло более 200 миллиардов

⁶⁶ Пункт 1 резолютив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2014 года № 13-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁷ Абзац 3 пункта 3.2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 13 мая 2025 года № 1220-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸ Абзац 2 пункта 2.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 года № 22-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁹ Там же. Абзац 3 пункта 2 мотив. части.

⁷⁰ Цифровая трансформация в России: итоги 2022 года и планы на 2023 год // СПС «Гарант». 30 января 2023 года. URL: <https://www.garant.ru/article/1605871/#:~:text=Так%2C%20уровень%20достижения%20цифровой%20зрелости,IT%20решения%20–%20521%2C9> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷¹ В России в первом полугодии утекло почти 1 млрд персональных данных // InfoWatch. 5 сентября 2024 года. URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/v-rossii-v-pervom-polugodii-uteklo-pochti-odin-milliard-personalnykh-dannykh> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷² Количество слитых персональных данных в 2024 году выросло на треть // InfoWatch. 5 марта 2025 года. URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/kolichestvo-slitykh-personalnykh-dannykh-v-dvetsyachi-dvadsat-chetvertom-godu-vyroslo-na-tret> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷³ Аналитический отчёт «Утечки информации в мире. 2023–2024 годы». С. 13 // URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-informatsii-v-mire-2023-2024-gody.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

рублей⁷⁴. Кроме того, законодатель не может не учитывать мировые инциденты: в июне 2025 года имела место рекордная утечка персональных данных, по итогам которой в общем доступе оказались свыше 16 миллиардов единиц⁷⁵, ущерб от которой ещё только предстоит оценить.

Наконец, законодатель учитывал характер возможных последствий утечек персональных данных. Ввиду регулярности и масштабности инцидентов информационной безопасности адекватно оценить последствия каждой конкретной утечки весьма проблематично: потенциально они могут затрагивать неопределённый круг граждан. Кроме того, последствия могут быть весьма долгосрочными, поскольку персональные данные, оказавшиеся в руках третьих лиц, могут находиться в открытом доступе неограниченное время, копироваться и самовоспроизводиться.

В таких условиях оспариваемые меры являются строго необходимыми для защиты права на уважение тайны частной жизни граждан, а также общественной безопасности, то есть преследуют конституционно значимые цели, предусмотренные частью 3 статьи 55 Конституции РФ.

Стоит отметить, что обжалуемые нормы КоАП РФ являются лишь малой частью механизма, направленного на повышение сохранности персональных данных граждан и защиты их частной жизни, в котором задействуются не только карательные, но и упреждающие, и стимулирующие инструменты. В частности, действующее регулирование предъявляет детальные требования к обеспечению безопасности государственных информационных систем⁷⁶ и объектов критической информационной инфраструктуры⁷⁷, которые учитывают уровень развития IT-технологий. Сказанное касается и частных операторов информационных систем. Так, предусматривая оборотный штраф, законодатель одновременно предусмотрел его весьма существенное снижение – до 0,1 минимального размера в случае, если организация производила достаточные вложения в свой IT-комплаенс⁷⁸.

Законодатель, вводя обжалуемое регулирование, учитывал и мировой опыт. Оборотные штрафы за нарушение требований по защите персональных данных действуют в праве ЕС, где они составляют до 4% от общемирового оборота компании за

⁷⁴ Ущерб от IT-преступлений в 2024 году вырос почти на 40% // ТАСС. 19 февраля 2025 года. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23183001> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷⁵ 16 billion passwords exposed in record-breaking data breach: what does it mean for you? // CyberNews. 18 June 2025. URL: <https://cybernews.com/security/billions-credentials-exposed-infostealers-data-leak/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷⁶ Приказ ФСТЭК России от 11 февраля 2013 года № 17 «Об утверждении Требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁷ Приказ ФСТЭК России от 21 декабря 2017 года № 235 «Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁸ Пункт 1 части 3.4-2 статьи 4.1 КоАП РФ.

год⁷⁹. При этом если в российском законодательстве оборотный штраф допускается только в случае повторного нарушения закона и при масштабной утечке персональных данных, то европейское право позволяет наложить штраф в размере до 2% от мирового оборота даже за нарушения технического характера, совершённые впервые и при этом не повлекшие утечки персональных данных (например, за нарушения требований по сертификации IT-оборудования или обязательств по мониторингу)⁸⁰. Схожие меры приняты в КНР (где штрафы могут достигать даже 5% годового оборота компании)⁸¹, Бразилии⁸² и даже в куда менее развитых экономиках, в том числе в части IT-сектора (например, в Нигерии⁸³).

Обжалуемые законоположения являются не просто конституционно оправданными, а представляют собой пригодное средство достижения конституционно значимых целей. Сама по себе конструкция оборотного штрафа уже известна российскому законодательству. Так, оборотные штрафы за нарушение антимонопольного законодательства уже становились предметом оценки Конституционного Суда РФ, который подтвердил их конституционность⁸⁴, а равно пригодность для борьбы с правонарушениями такого рода. Кроме того, хотя оспариваемое регулирование вступило в силу немногим более полугода назад⁸⁵, оно уже доказывает свою эффективность. Так, в текущем году число утечек персональных данных в России на данный момент фиксируется вдвое меньше, чем в 2024 году⁸⁶.

Таким образом, обжалуемое регулирование является насущным, преследует конституционно значимые цели по защите общественной безопасности и конституционных прав граждан на уважение частной жизни, а также пригодным для достижения этих целей, а потому не противоречит части 3 статьи 55 Конституции РФ.

⁷⁹ Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation). Art. 83(5) // Intersoft Consulting. URL: <https://gdpr-info.eu/art-83-gdpr/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁸⁰ Ibid. Art. 83(4).

⁸¹ Personal Information Protection Act. Art. 66. URL: <https://personalinformationprotectionlaw.com/PIPL/article-66/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁸² Lei Geral de Proteção de Dados (LGPD). Art. 52 // Brazil Government Official Website. URL: <https://www.gov.br/esporte/pt-br/acao-a-informacao/lgpd> (дата обращения: 10.11.2025).

⁸³ Nigeria Data Protection Act. Art. 48(4)(b) // Federal Republic of Nigeria. Official Gazette. 2023. 1st July. Vol. 110. No. 119. URL: https://cert.gov.ng/ngcert/resources/Nigeria_Data_Protection_Act_2023.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

⁸⁴ Пункт 3.3 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 30 марта 2023 года № 12-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁵ Нормы КоАП РФ в обжалуемой редакции вступили в силу 30 мая 2025 года. См.: статья 2 Федерального закона от 30 ноября 2024 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2024. № 49 (часть IV). Ст. 7411.

⁸⁶ МВД сообщило о снижении количества утечек персональных данных в России // ТАСС. 31 октября 2025 года. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25512817> (дата обращения: 10.11.2025).

2.2. Оспариваемы нормы КоАП РФ не нарушают конституционный принцип соразмерности юридической ответственности (часть 3 статьи 55 Конституции РФ)

Конституционное требование соразмерности административной ответственности связывает законодателя в двух аспектах. С одной стороны, она должна быть адекватна тому вреду, который причинён в результате административного правонарушения – в противном случае государственное принуждение не достигнет своих целей⁸⁷. С другой стороны, не допускается избыточное ограничение имущественных прав и интересов правонарушителей⁸⁸. Законодатель, вводя спорное регулирование, учитывал оба этих аспекта.

Как уже отмечалось, правонарушения в сфере оборота персональных данных уникальны с точки зрения общественно вредных последствий: их характер и масштаб практически невозможно оценить в первое время после утечки персональных данных, а сами последствия зачастую имеют далеко идущий характер и могут проявляться спустя многие годы после события правонарушения. Такая же логика применима, например, к экологическим правонарушениям, последствия которых, как отмечал Конституционный Суд РФ, также отдалены во времени, в связи с чем законодатель вправе применять к ним особые, условные методы определения размера вреда⁸⁹.

Очевидно, при определении мер наказания за подобные правонарушения законодатель должен обладать большей дискрецией. Именно поэтому законодатель, будучи обязанным предусмотреть действительно эффективную меру ответственности, адекватную последствиям нарушения, принял решение ввести оборотный штраф за повторную утрату персональных данных как меру, которая с наибольшей вероятностью будет адекватна как наступившим, так и отдалённым во времени потенциальным негативным последствиям для общества и граждан, чья тайна частной жизни оказалась раскрытой.

При этом законодатель ограничился тем, что предусмотрел оборотный штраф только за повторное нарушение оператора, повлекшее передачу персональных данных третьим лицам, в пределах годичного срока наказанности⁹⁰, в связи с чем сконструировал часть 15 статьи 13.11 КоАП РФ с административной преюдицией. В этой части была учтена позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой повторные правонарушения обладают повышенной общественной опасностью и говорят о недостаточности прежних мер воздействия⁹¹, что требует от законодателя должного реагирования. В отсутствие обжалуемой меры повторные нарушения законодательства о

⁸⁷ Абзац 5 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П.

⁸⁸ Абзац 4 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 15 сентября 2015 года № 1828-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁹ Абзац 1 пункта 3.4 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2024 года № 56-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁹⁰ Часть 1 статьи 4.6 КоАП РФ.

⁹¹ Абзац 1 пункта 4.2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 года № 2-П // СПС «КонсультантПлюс».

персональных данных не влекли бы за собой более тяжких последствий для правонарушителя, и мера, предусмотренная частью 12 статьи 13.11 КоАП РФ, превратилась бы в своеобразный сбор за нарушение закона. Это привело бы к тому, что операторам персональных данных, в том числе «ИТ-гигантам», для которых выплата такого штрафа не является обременительной, было бы выгоднее нарушать закон, чем совершенствовать внутренние комплаенс-процедуры и инвестировать в защиту персональных данных. Подобные ситуации уже признавались Конституционным Судом РФ недопустимыми⁹².

Наконец, законодатель учитывал объективное состояние развития ИТ-рынка в России. Так, принимались во внимание не только значительный рост этого рынка⁹³, но и финансовые показатели крупнейших ИТ-компаний страны, выручка первых восьми из которых превышает 100 миллиардов рублей, а, например, у группы компаний «Ростелеком» и вовсе превысила полтриллиона рублей в 2024 году⁹⁴. В этом контексте применение оборотных штрафов отвечает не только требованиям соразмерности, но и требованиям равенства: применение штрафов в твёрдых денежных суммах с меньшей вероятностью достигнет конституционных целей государственного принуждения, если правонарушителем будет являться крупная компания. Насколько следует из материалов дела, заявитель – ООО «Диджитал Арт Платформ» относится к достаточно крупным игрокам ИТ-рынка, будучи резидентом Инновационного центра Даталендской области⁹⁵.

С другой стороны, законодатель руководствовался позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой размер административного штрафа не должен представлять собой непосильное обременение и приводить к вынужденной ликвидации⁹⁶. В этой части принцип соразмерности также не нарушается, поскольку в системе действующего регулирования достаточно механизмов индивидуализации наказания в виде оборотного штрафа с учётом всех обстоятельств, заслуживающих внимания. Помимо того, что размер оборотного штрафа зависит от видов и количества утраченных персональных данных⁹⁷, сохраняется возможность снижения размера штрафа ниже низшего предела с учётом последствий правонарушения и финансового положения организации⁹⁸, отмеченная ранее возможность снижения штрафа до 0,1 его минимального размера при наличии вложений в ИТ-комплаенс. Наконец, оспариваемые нормы не отменяют

⁹² Так, Конституционный Суд РФ признал неприемлемой ситуацию, при которой оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом в состоянии опьянения было выгоднее, чем остаться, чтобы в дальнейшем было констатировано состояние опьянения. См.: пункт 1 резолютив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 года № 17-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁹³ Рынок ИТ: итоги 2024 // С.News. 21 июля 2025 года. URL: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2024 (дата обращения: 10.11.2025).

⁹⁴ Рейтинг 2025 года: топ 77 крупных ИТ-компаний и корпораций России // HighTime Media. 15 апреля 2025 года. URL: <https://hightime.media/raiting-it-korporaciy/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁹⁵ Пункт 1 Фабулы.

⁹⁶ Абзац 3 пункта 4.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П.

⁹⁷ См., например, часть 16 и 18 статьи 11.13 КоАП РФ.

⁹⁸ Часть 3.2 статьи 4.1 КоАП РФ.

обязанности правоприменителя учитывать любые обстоятельства, смягчающие административную ответственность, круг которых не ограничен⁹⁹.

Кроме того, правоприменитель в любом случае обязан руководствоваться общими положениями КоАП РФ и учитывать конкретные причины утечки персональных данных в каждом деле. Очевидно, что утечка, вызванная ошибкой внутренних процедур организации и нарушениями со стороны её ответственных сотрудников, имеет бóльшую степень общественной опасности по сравнению, например, с утечкой, вызванной кибератакой, которую в ряде случаев практически невозможно предотвратить. Правоприменитель обязан учитывать эти обстоятельства, в том числе в качестве смягчающих ответственность или даже исключаящих событие или состав правонарушения, чему имеются примеры в судебной практике¹⁰⁰.

Таким образом, положения частей 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ не противоречат Конституции РФ как по буквальному смыслу, так и в системе действующего регулирования, гарантирующей учёт всех обстоятельств дела и индивидуализацию наказания, а потому они отвечают конституционным требованиям соразмерности, вытекающим из части 3 статьи 55 Конституции РФ.

ТРЕБОВАНИЕ, ОБРАЩЁННОЕ К КОНСТИТУЦИОННОМУ СУДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основании изложенного Государственная Дума, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации просят прекратить производство по настоящему делу, поскольку, во-первых, жалоба не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», предъявляемым к допустимости жалобы, во-вторых, в настоящем деле отсутствует неопределённость в вопросе о соответствии оспариваемых законоположений Конституции Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты, акты толкования права:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета от 25 декабря 1993 года. № 237. [С. 9].
2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447 [С. 4].
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410. [С. 4].
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. [С. 4, 18–22].

⁹⁹ Статья 4.2 КоАП РФ.

¹⁰⁰ Постановление мирового судьи судебного участка № 244 г. Москвы от 25 сентября 2023 года по делу № 5-1048/23 // СПС «Гарант».

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448. [С. 5, 10, 13].
6. Федеральный закон от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553 [С. 10].
7. Федеральный закон от 23 февраля 2013 года № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 721. [С. 10].
8. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451. [С. 13].
9. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145) // СПС «КонсультантПлюс». [С. 15].
10. Постановление Правительства РФ от 3 марта 2012 года № 171 «О лицензировании деятельности по разработке и производству средств защиты конфиденциальной информации» // СПС «КонсультантПлюс». [С. 13].
11. Порядок формирования и ведения реестра российского программного обеспечения (утв. Постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2015 года № 1236) // СПС «КонсультантПлюс». [С. 13, 14].
12. Положение о сертификации средств защиты информации (утв. Постановлением Правительства РФ от 26 июня 1995 года № 608) // СПС «КонсультантПлюс». [С. 13].
13. Приказ ФСТЭК России от 11 февраля 2013 года № 17 «Об утверждении Требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах» // СПС «КонсультантПлюс». [С. 18].
14. Приказ ФСТЭК России от 21 декабря 2017 года № 235 «Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования» // СПС «КонсультантПлюс». [С. 18].
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс». [С. 4].
16. Data Security Law of the People's Republic of China: adopted at the 29th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress on June 10, 2021 // The National People's Congress of the People's Republic of China. 2021. [С. 11].
17. Kids Online Safety Act. Bill S.1748. Introduced 14 May 2025 from Sen. Blackburn, Marsha [R-TN] // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1748/text> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 11].
18. Lei Geral de Proteção de Dados (LGPD) // Brazil Government Official Website. URL: <https://www.gov.br/esporte/pt-br/acesso-a-informacao/lgpd> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 19].
19. Nigeria Data Protection Act // Federal Republic of Nigeria. Official Gazette. 2023. 1st July. Vol. 110. No. 119. URL: https://cert.gov.ng/ngcert/resources/Nigeria_Data_Protection_Act_2023.pdf (дата обращения: 10.11.2025). [С. 19].
20. Personal Information Protection Act. URL: <https://personalinformationprotectionlaw.com/PIPL/article-66/> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 19].
21. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) // Intersoft Consulting. URL: <https://gdpr-info.eu/art-83-gdpr/> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 19].

22. Stop Addictive Feeds Exploitation (SAFE) For Kid. Bill S7694A // The New York State Senate. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/bills/2023/S7694/amendment/A> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 11].

Международные правовые акты и документы:

23. Декларация Комитета министров Совета Европы «О правах человека и верховенстве права в информационном обществе» от 13 мая 2005 года. СМ (2005) 56 // Ю. 15.05.2005. 564238/967. [С. 8].
24. Human Rights Council. Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. 17 April 2013. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A.HRC.23.40_EN.pdf (дата обращения, 10.11.2025). [С. 8].

Решения Конституционного Суда Российской Федерации:

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 года № 1-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 15].
26. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 года № 29-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 15].
27. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 года № 4-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 16].
28. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 18-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 9].
29. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П // СЗ РФ. 2014. № 10. Ст. 1087. [С. 16, 20–21].
30. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2014 года № 13-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 17].
31. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 года № 24-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 9].
32. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 года № 12-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 14].
33. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 24-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 11].
34. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 26-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 16].
35. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 года № 2-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 20].
36. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 года № 39-П // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7914. [С. 3].
37. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 года № 17-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 21].
38. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 года № 4-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 9].
39. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 года № 22-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 17].
40. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 марта 2023 года № 12-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 19].
41. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 2024 года № 2-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 8, 11].

42. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 октября 2024 года № 44-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 5].
43. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2024 года № 45-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 12].
44. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2024 года № 56-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 20].
45. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апреля 2025 года № 18-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 10].
46. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2025 года № 22-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 3].
47. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 года № 248-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 8].
48. Определение Конституционного Суда РФ от 19 января 2010 года № 151-О-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 9].
49. Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 года № 617-О-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 10].
50. Определение Конституционного Суда РФ от 15 сентября 2015 года № 1838-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 14, 20].
51. Определение Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2018 года № 865-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 5].
52. Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 года № 3087-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 8].
53. Определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 года № 274-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2019. № 3. [С. 5].
54. Определение Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2024 года № 827-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 6, 16].
55. Определение Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 года № 2472-О // СПС «Гарант». [С. 4].
56. Определение Конституционного Суда РФ от 13 мая 2025 года № 1220-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 6, 17].

Решения Европейского Суда по правам человека:

57. ECHR. Judgment of 18 December 2012. *Yıldırım v. Turkey*, Application no. 3111/10 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-22082> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 11].
58. ECHR. Judgment of 24 April 2018. *Benedik v. Slovenia*, Application no. 62357/14 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-182677> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 8].
59. ECHR. Judgment of 16 June 2025. *Delfi AS. v. Estonia*, Application no. 64569/09 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?TID=xqekxhoade&filename=001-126635.pdf&id=001-126635&library=ECHR> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 8, 15].
60. ECHR. Judgment of 4 November 2025. *Vainik and Others v. Estonia*, Application nos. 3184/21, 43852/21, 44600/21, 17982/21 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-245684> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 11].

Решения зарубежных органов конституционного контроля и ординарных судов:

61. Decision of United States Supreme Court. 18 December 1967. «*Katz v. United States*». 389 U.S. 347 (1967) // U.S. Supreme Court Reports. 1998. Vol. 389. P. 347. [С. 9].
62. Decision of United States Supreme Court. 26 June 1997. «*Reno v. American Civil Liberties Union*». 521 U.S. 844 (1997) // U.S. Supreme Court Reports. 1998. Vol. 521. P. 844. [С. 9].